

Филология ғылымдары: Тіл және лингвистика. Түркология
Филологические науки: Язык и лингвистика. Тюркология
Philological sciences: Language and Linguistics. Turkology

МРНТИ 17.09.91

DOI: <https://doi.org/10.62724/202520201>

Абдуллина Лилия Бакировна¹,

Кандидат педагогических наук, доцент, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Российская Федерация, 453100, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, улица Комсомольская 67, l.b.abdullina@struust.ru, ORCID ID: 0000-0002-7131-7019

Гайфуллина Миляуша Фаниловна^{*2},

Кандидат филологических наук, доцент, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Российская Федерация, 453100, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, улица Комсомольская 67, m.f.gayfullina@struust.ru, ORCID ID: 0009-0000-0437-4104

Саттарова Лиана Сибгатовна³,

старший преподаватель, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Российская Федерация, 453100, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, улица Комсомольская 67, l.s.sattarova@struust.ru, ORCID ID: 0000-0002-2213-8276

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ ОЛЕНИНА В ПОВЕСТИ «КАЗАКИ»
Л.Н. ТОЛСТОГО

Аннотация. В данной статье рассматривается путь самопознания главного героя повести Л. Н. Толстого «Казачьи» сквозь призму парадигмы «Я» – «Я-другие» – «Мы», отражающей три уровня состояния его сознания. Цель исследования — проанализировать духовные изменения и внутреннюю эволюцию Оленина. Противоречия, возникающие на его пути, внутренние конфликты и склонность к рефлексии формируют своеобразную «историю души» героя. Его духовные поиски проявляются через трансформацию сознания и стремление к постижению смысла бытия.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа, синтеза и систематизации. Кроме того, использованы возможности мифопоэтического и структурно-семантического подходов литературоведческого анализа, а также отдельные приёмы филологической интерпретации текста.

Результаты исследования показывают, что процесс самопознания героя осуществляется через диалог с «другими» и осмысление своей принадлежности к коллективному «Мы». Человек, согласно заложенной в тексте философии, — это не только «присутствие в мире», но, прежде всего, «бытие-с-другими». Общение и включённость в сообщество — неотъемлемые черты человеческой природы. Человек по своей сути — «существо для других». Подлинное существование в обществе, несмотря на внутренние и внешние барьеры, предполагает стремление выйти за пределы собственного «Я», понять «другого», проявить ответственность и искренность. Всё это охватывает уровни парадигмы «Я» — «другие» — «Мы», которая и составляет суть «истины Толстого».

Материалы статьи могут быть использованы в университетских курсах по истории и теории литературы, а также в преподавании русской литературы в образовательных учреждениях различного уровня.

Ключевые слова. Духовно-нравственные искания, литературный характер, повесть «Казачьи», поэтика Л.Н. Толстого.

Введение. Толстовский персонаж-характер многомерен. Проблема, которая интересует Толстого в процессе исследования движения человеческой души, – это проблема, в основном, нравственного плана. Попытка обращения к целостному анализу того или иного художественного образа (в данном дискурсе – персонажа-характера) в творческой системе Толстого так или иначе выводит исследователя на уровень анализа авторских принципов художественно-интеллектуального осмысления различных философских проблем.

Авторское художественно-философское начало в творческой системе Толстого последовательно реализуется на всех уровнях организации текста. Вся сложная система персонажей-характеров толстовских произведений воплощает различные аспекты мировоззрения писателя. Основным постулатом мировоззрения Толстого есть мысль о том, что человек добр по своей природной сущности. Писатель стремится найти опору для нравственности в окружающем мире, в самой природе: в неразрывном единстве людей и «сопряжении всего со всем».

Материалы и методы исследований. В работе использовались общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения и систематизации, а также возможности мифопоэтического, структурно-семантического методов литературоведческого анализа, отдельные принципы и приемы филологического анализа текста.

Выбор методологических ориентиров осуществлялся с учетом концепций, предложенных М.М. Бахтиным, Б.О. Корманом, Ю.М. Лотманом. При осмыслении категории «характер» в теоретическом аспекте особый акцент сделан на труды В.А. Беглова, С.Г. Бочарова, А.М. Левидова, А.В. Михайлова, А.А. Фаустова, В.Е. Хализева.

В основу работы также легли результаты исследований о своеобразии раннего творчества Л.Н. Толстого Я.С. Билинкиса, Б.И. Бурсова, Е.Н. Купреяновой, Ю.В. Лебедева, Г.Л. Лескиса, о принципах изображения толстовских характеров С.Г. Бочарова, В.Д. Днепровой, Г.Б. Курляндской, О.В. Сливицкой, Е.Г. Эткинды и др.

Результаты и их обсуждение. Написанную в 1863 году повесть «Казачьи» критики оценивают как этапное произведение в творчестве Л.Н. Толстого, которое завершило первое десятилетие его литературной деятельности и отразило взгляды писателя, пережившего духовный кризис. И, наконец, «Казачьи» является предшественником романа-эпопеи. Задуманная в 1852 году, она была закончена лишь десять лет спустя. Общеизвестно, что Толстой какое-то время был сильно увлечен мыслями о возможности преобразовать всю Россию по образцу казачьих станиц. Но это были не прочные убеждения, а скорее временные настроения.

Как писал Б.И. Бурсов, Толстой в повести «Казачьи» поднимает духовно-нравственные проблемы, которые волновали, прежде всего, его самого. Наблюдения над бытом казаков он срастил со своими собственными духовными исканиями [1, с. 347].

Как пишет М. Кшондзер, «широта охвата событий, психологическая достоверность в изображении характеров, нравственно-этическая и мировоззренческая глубина, эстетическое совершенство – все это делает повесть Л.Н. Толстого «Казачьи» притягательной для современного читателя и открывает новые возможности для ее современного прочтения и исследования» [2, с. 60].

В повести изображается новая человеческая среда, к которой впервые обратилась художественная мысль Толстого. Что касается традиционного толстовского героя, то и он в новой повести оборачивался новыми сторонами своего духовного содержания. Все это приводило к расширению масштабов и дальнейшему углублению принципов реализма Толстого.

Как утверждает Б.И. Бурсов, «нет другого произведения у Толстого, в котором бы такое большое место занимал внешний мир. Это понятно: внешний мир, изображаемый в “Казаках”, герой повести воспринимает как своего рода идеальное общество. Отсюда требование полноты в его изображении. Поэтические картины жизни казачьей станицы, однако, не отодвинули в тень картин внутренней жизни. Этого не могло случиться хотя бы по той причине, что, за небольшими исключениями, станица описана через восприятие Оленина. Оленин и видит станицу и одновременно думает о ней. Он должен видеть ее, ибо эта станица для него целый мир, противоположный тому, из которого он бежал, и в своем роде идеальный. И он должен думать о ней, о станице, так как ему необходимо понять и этот мир и самого себя, понять, что с ним самим происходит» [3, с. 365-366].

Духовно-нравственное становление Оленина можно представить как концептуальную модель, проходящую через стадии: «Я» – «Я и Другие» – «Мы», каждая из которых отражает определённый уровень его мироощущения и внутреннего развития.

Сама природа сознания, по Толстому, носит антиномичный характер и делится на два типа:

1. «Низшее сознание» – осознание своей изолированности от окружающего мира, которое формирует материальную, внешнюю реальность, трактуемую писателем как иллюзия;

2. «Высшее сознание» – ощущение своей сопричастности ко всему сущему, создающее духовный, внутренний мир, который Толстой рассматривает как подлинную реальность [4, с. 800].

Если принять такую трактовку личности Толстого, то ступени «Я» соответствует уровень «низшего сознания». В этом состоянии у Оленина доминирует эгоцентризм: он сосредоточен исключительно на себе и собственном комфорте. Иными словами, окружающая реальность в его восприятии вращается исключительно вокруг собственного «Я».

Вторую ступень духовно-нравственного пути героя — «Я и Другие» — можно рассматривать как переход к состоянию «высшего сознания». Попав в казачью среду, Оленин стремится наладить контакт с её представителями и стать частью их сообщества. Это своего рода стремление героя приобщиться к «естественному» укладу жизни казаков.

И, наконец, третий уровень «Мы», соответствующий «высшему сознанию», наступает в миропонимании героя в лесу во время охоты, когда он явственно осознает себя частью беспредельного мира – Всего.

Этапы в духовном развитии Оленина, парадигматически сопряженные между собой, составляют «историю души» противоречивого и склонного к рефлексии молодого человека. Путь духовных исканий Оленина – это своего рода устремленность сознания героя к познанию самого себя, своей сущности. Это процесс постижения своего «Я» через диалог с «Другими», и осознание своей сопричастности ко Всему и представление своего «Я» как части Всего – «Мы».

«Казаки» начинаются с предварительной развернутой характеристики Оленина. Московский дворянин Оленин, как и Пьер в начале «Войны и мира», вел пустую бесцельную «светскую» жизнь: «Для него не было никаких – ни физических, ни

моральных оков; он все мог сделать, и ничего ему не нужно было, и ничего его не связывало. У него не было ни семьи, ни отечества, ни веры, ни нужды» [5, с. 156].

Подробно описываются проводы Оленина. Ночь на исходе. Трудовой народ просыпается, чтобы идти на работу. А господа еще веселятся. Оленин прощается со своими друзьями. У подъезда уже стоят лошади ямщика, который повезет Оленина. Оленин хочет раскрыть свою душу, сказать всю правду о себе, одновременно и понять и объяснить, что он за человек.

« <...> Напутал, напутал я себе в жизни. <...> И я чувствую, что начинается новая жизнь.

– В которой ты опять напутаешь, – сказал лежавший на диване и игравший ключиком часов <...> » [5, с. 153].

Данный диалог между Олениным и одним из его гостей очень точно проецирует сложность пути духовных исканий главного героя повести. Действительно, не совсем понятно, зачем ему нужно ехать на Кавказ и начинать «новую жизнь».

На первый взгляд, казалось бы, что Оленин отправляется на Кавказ в поисках людей, в поисках мира, в котором он хочет найти и узнать самого себя. Основная его особенность та, что он совершенно пренебрегает какой бы то ни было социальной практикой. Он хочет быть только человеком и общаться только с людьми. Его жажда и потребность любить есть жажда и потребность в человеке, в людях. А все, что вокруг, – это совсем не то. И получается, что Оленин отправляется на Кавказ в поисках человека, в поисках людей, нисколько не думая о «простом народе», который остался в Москве.

Оленин на данном этапе, можно сказать, лишь самовлюбленный мелкий эгоист, ищущий неопределенный идеал. «Он любил до сих пор только себя одного и не мог не любить, потому что ждал от себя одного хорошего и не успел еще разочароваться в самом себе» [5, с. 156-157].

Заметим, что до приезда на Кавказ у Оленина вовсе не было намерения «слиться» с «народом»; о нем нельзя сказать, что он бежал из отечественных краев, от неволидушных городов и т.п. Только лишь приехав в станицу, Оленин постепенно проникается сознанием необычности, простоты и величия (совсем не таких, как он представлял себе в романтических мечтах) жизни казаков и природы. Оленин старается преодолеть духовную разьединенность с людьми из народа, приобщиться к их жизни не только внешне, но и духовно.

Главное, что поразило и привлекло Оленина в казаках, – это естественность, органичная близость к природе. Пейзажные зарисовки, данные автором в неразрывной связи с жизненным укладом казаков, поэтизируют их трудовые и воинские будни.

Писатель любит казаками на лоне природы. Казаки растворены в природе, составляют единое целое с ней, они не вычлениваются, не противопоставляют себя ей. В повести мы не найдем отвлеченного любования, созерцания природы глазами казаков.

Размышления о жизни и смысле бытия, рефлексия не является уделом казаков, их философия жизни предполагает принятие естественного права человека, подобно зверю, защищать себя и своих близких, подчиняясь голосу инстинкта. Поэтому и в портретных характеристиках казаков содержится момент сравнения с животными, природой: «Жилистая толстая шея была, как у быка, покрыта клетчатými складками» [5, с. 194]. (Ерошка); «Он (Лукашка) напоминал разыгравшегося жеребца, который взвив хвост и фыркнув, остановился как вкопанный всеми ногами» [5, с. 199]; « <...> прекрасные черные глаза, с детским ужасом и диким любопытством устремленные <...> » [Там же, с. 191] или «дикий взгляд блестящих глаз» (Марьяна) [5, с. 191].

В описании же внешнего облика Оленина мы не найдем таких ярких красочных сравнений: «Оленин на вид казался совсем другим человеком. <...> Он был одет по-

черкесски, но плохо; всякий узнал бы в нем русского, а не джигита. Все было так, да не так» [5, с. 189]. Портрет героя свидетельствует о неустроенности, неопределенности жизни героя. Оленин старается, с одной стороны, понять и принять мир казачий, как мир неподдельно человеческий, а с другой стороны, добиться того, чтобы этот мир принял его к себе как человека.

Герой не достигает цели ни в том, ни в другом отношении, потому что обе эти задачи были внутренне противоречивы: человечность самого Оленина совсем иная, чем у казаков. К тому же, казакам он тем более чужд и странен, чем больше он ведет себя «по-человечески» (Вспомним хотя бы неоднозначную реакцию казаков, когда Оленин совершенно из добрых побуждений дарит Лукашке коня).

Рассмотрим, как выстраиваются взаимоотношения Оленина с Ерошкой, Лукашкой и Марьяной.

Оленин сближается с Ерошкой, который, по мысли автора, олицетворяет гармоничную, естественную жизнь, согласную с великими и незыблемыми законами прекрасной природы. Ерошка исповедует религию природы, но так последовательно, что за этим угадывается концепция самого автора, к которой Толстой пришел спустя много лет после знакомства с реальным Ерошкой (Епифаном Сехиным) и начала работы над «кавказской повестью», – как раз к началу первого кризиса [6, с. 350].

Природа для старого охотника вся одухотворена, и человек – лишь часть ее, один из многочисленных представителей, не лучше, а может, и хуже других ее представителей – свиньи, комара, дерева: «Ты думал, он дурак, зверь-то? – говорит Ерошка Оленину. – Нет, он умней человека, даром что свинья называется. Он все знает <...> У тебя такой закон, а у нее такой закон. Она свинья, а все она не хуже тебя; такая же тварь Божия. Эхма! Глуп человек, глуп, глуп человек! <...>» [5, с. 208].

Ерошка – единственный во всей станице человек, который охотно беседует с Олениным, дружески относится к нему. Хотя и у Ерошки есть и корыстная цель. Оленин богат, не скуп угощает чихирем. Оленин не первый русский, с которым Ерошка проводит часы своего досуга. У него на этот счет есть опыт, он знает, что извлечет для себя пользу из такого общения. Ерошка стар, а старику, по его мнению, можно и не быть особенно щепетильным.

В отличие от казаков, в Оленине отсутствует цельность и непосредственность характера, которые он ищет у этих «природных» людей. Например, становится совершенно ясно, как по-разному понимают счастье Лукашка и Оленин. Для Оленина Лукашкино счастье «греховное». Он со своей точки зрения не может понять Лукашку, не может признать его счастья. И не может понять потому, что сам утратил душевную гармонию, потому, что его разъедает рефлексия, потому, что его эгоистическое «я» противостоит другим людям, даже тем, кого он любит, вернее, хочет любить, и перед мудростью которых преклоняется.

Лукашка не стремится к подвигу самоотвержения. Само это чувство ему непонятно, ибо Лукашка и его поступки в трактовке Толстого выглядят как звенья бесконечной цепи жизни, в естественном гармоническом течении которой нет и не может быть ничего греховного. Лукашка руководствуется интуицией, живет «интуитивной жизнью». Греховное связано с тем обществом, из которого вышел Оленин и в котором господствует ложь и фальшь во взаимных отношениях.

Судьба Лукашки вместе с тем обнаруживает и страшную далекость Оленина от гармоничного идеала «естественного» человека, воплощенных Толстым в образах казаков. Оленин умом постигает смысл их жизни, но не мог жить так, как они. Оленин и Лукашка – люди разных миров. Разных взглядов на жизнь. Они не могут идти рядом одним путем. Не могут быть вместе Оленин и Марьяна.

Поэтому так же становится совершенно понятно, почему Оленин оказывается в недоумении, когда он делает Марьяне предложение руки и сердца, а она воспринимает это совершенно спокойно: «Больно ему было потому, что она все так же была спокойна, говоря с ним, как и всегда. Ее нисколько, казалось, не волновало это новое положение. Она как будто не верила ему и не думала о будущем. Ему казалось, что она его любила только в минуту настоящего и что будущего для нее не было с ним» [5, с. 290]. Для Марьяны реально только то, что присутствует в настоящем.

Марьяну привлекает в Оленине его нежность к ней. Для нее неожиданны и непривычны все его слова о любви, о том, что без нее он жить не может, так же как непривычны ей его мягкие, белые руки.

Самый характер отношения к ней Оленина, несомненно, влечет Марьяну. К сближению их нет и внешних препятствий. Лукашка же груб, часто неверен Марьяне. В отношениях с ним ей предстоит немало трудного. Кроме того, Лукашка, в отличие от Марьяны, беден. Однако Марьяна – казачка. И Оленин, человек «господского» сословия, ей чужой, а свои – это только люди ее мира. В конечном счете она не может принять любви Оленина. Марьяна прогоняет Оленина, когда Лукашка ранен, когда у казаков горе. Толстой постоянно стремится к решающим переломным моментам в жизни человека и настойчиво подводит к ним сюжет. Поэтому в композиции его произведений особое место занимают эпизоды душевного кризиса, внутреннего надлома. Именно в этих точках раскрываются глубинные, первозданные начала личности, исчезает всё наносное и внешнее. Вокруг таких событий у Толстого концентрируются ключевые смысловые и оценочные центры, освещающие смысл всей сюжетной линии и внутреннего развития персонажей.

Под влиянием внешних обстоятельств в человеке могут пробуждаться одни черты и угасать другие. Обычно человек живёт не в полной мере, и в повседневной жизни активны лишь поверхностные слои его психики. Но когда происходит что-то, что напрямую затрагивает его существование, словно вскрывается глубинный уровень души, и – по мысли Толстого – именно это и является настоящей природой человека [7, с. 156].

Трудный час делает внутреннюю связь между людьми в «простом народе» еще более прочной, более крепкой, чем всегда. Прогоняя Оленина, Марьяна действует как бы от лица всего казачества, всего того единства людей и природы, к которому она принадлежит. Перед Олениным закрылся путь к счастью. Крах любви означал гибель его мечтаний о новой, гармоничной жизни. Оленин осознает свою неспособность перестроить самого себя применительно к жизни, которую считает идеальной, хотя и не во всем соответствующей его представлениям об идеале.

Заметим, что в тексте очень часто встречаются формы глагола «казаться», причем по несколько раз в одном абзаце. И в этой связи постоянно создается впечатление, что Оленин живет не в реальном, настоящем мире, а в «мнимом». Настоящего времени в его сознании нет (кроме, конечно, эпизода слияния Оленина с природой), он мыслями постоянно оказывается либо в воспоминаниях о прошлом (то было «не то»), либо в мечтах о будущем (которые не постоянны, изменчивы). Это только усиливает глубокий душевный драматизм главного героя.

Взаимоотношения Оленина с тремя представителями казачьего мира позволяют ему познать этот мир во всей полноте, а с другой стороны, в этих взаимоотношениях он раскрывает свою собственную природу также исчерпывающим образом. Оленину дано было лишь осознать чужую гармонию, но не приобщиться к ней. Причина неудачи – гипертрофия личностного начала в герое, пытающемся убежать от цивилизации и несущем ее в самом себе.

Лишь на какой-то момент в лесу – под влиянием волнующей и покоряющей природы – Оленин испытал чувство своего великого единства с окружающим миром («Мы») и желание до конца слиться с ним, растворить в нем свое «Я». Он, сливаясь с природой, с удовольствием теряя чувство обособленности, видит новую для него истину.

В повести «Казак» нет полной идеализации казацкого быта и резкого противопоставления Оленина Марьяне, Ерошке, Лукашке и другим героям. У каждого героя своя правда. Примечательно, что повесть и начинается, и заканчивается проводами Оленина. И не случайно, что Толстой сцену проводов Оленина написал на заключительной стадии работы над повестью. Во всех черновых редакциях герой сразу появляется в станице.

Оленин не нашел внутренней гармонии среди казаков, тем не менее на Кавказе, в обстановке дикой природы и патриархального казачьего быта, общаясь с Ерошкой, под влиянием любви к Марьяне, он стал нравственно перерождаться.

Совсем иначе, чем прежде, взглянул он на жизнь того круга, которому сам принадлежал, увидел по-новому самого себя и своих прежних друзей. Когда на Кавказе к нему зашел один из его старых знакомых Белецкий, Оленин впервые увидел пропасть между своей кавказской и прежней жизнью, понял, что именно коммодорские люди нравственно нечистоплотные, изуродованные, а те, кого прежде считал он существами низшего сословия, по сути своей, самые настоящие люди, живущие истинной жизнью.

Источник страданий Оленина заключается в его неспособности изменить себя в соответствии с образом жизни, которую он считает идеалом. Он оказывается в положении постороннего: для казаков он – чужой, но и с прежним миром, из которого прибыл, у него уже нет внутренней связи. В результате он неизбежно оказывается в состоянии одиночества и обреченности на неудачу.

Уже в ранней прозе Толстого человек изображается в движении, в его духовно-нравственном росте. Как отмечает О.В. Сливичкина, «любое суждение о другом, как бы оно ни было глубоко, диалектично и беспристрастно, не может быть исчерпывающей истиной, ибо улавливает только видимое и сущее. Любое суждение о себе, каким бы стремлением к правде оно ни было вдохновлено, не может быть истинным по той же причине. И более того, любое категоричное определение человека несет в себе опасность, так как может его замуровать в теперешнем состоянии» [8, 12].

Выводы. Таким образом, необходимым и важным условием духовного развития героев в произведениях Толстого является время нравственного обогащения персонажей, он ставит перед ними такие задачи, всегда поднимает вопросы, способные создать для них драматическую или даже трагическую обстановку. Время – это двигатель, стимул для понимания своего "я", его прикосновения ко всему бесконечному миру.

Толстой записал в дневнике: «Ничто так не мешает настоящему счастью (состоящему в доброй жизни), как привычка ждать чего-то в будущем. В то же время для истинного счастья, для внутреннего удовлетворения, ничто будущее не может дать, а все дает прошлое [9, с. 103].

Только пройдя через путь внутренних поисков и нравственного самопознания, человек способен обрести подлинное счастье — осмыслить свою связь с вечным и всеобщим Бытием. По Толстому, именно таким образом раскрывается возможное тождество человека и Мира, а также целостность человеческой природы как духовного отражения мироздания, своего рода микрокосма.

Человек есть не только «бытие в мире», но и он, главным образом, есть «бытие с другими». Общительность, общность являются сущностными атрибутами человека. Он по самой своей природе есть «бытие для других». Подлинная бытийная общность

предполагает, несмотря на наличие препятствий, выход за рамки самого себя и понимание (постижение) личности «Другого», а также чувства ответственности и преданности, которые включают в себя и «Я», и «Другие», и «Мы». В этом и заключается толстовская истина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бурсов, Б.И. Лев Толстой. Идеиные искания и творческий метод. 1847-1862 [Текст] / Б.И. Бурсов. – М.: Худож. лит., 1960. – 406 с.
- 2 Кшонзер, М. Нравственно-этическая проблематика повести Л.Н. Толстого «Казачьи» в контексте традиций русской литературы и в современном прочтении [Текст] / М. Кшонзер // Л.Н. Толстой в 1850-е годы: рождение художника: материалы Межд. научн. конф. – Тула, 2002. – С 54-61.
- 3 Бурсов, Б.И. Лев Толстой. Идеиные искания и творческий метод. 1847-1862 [Текст] / Б.И. Бурсов. – М.: Худож. лит., 1960. – 406 с.
- 4 Паперный, В.М. К вопросу о системе философии Л.Н. Толстого [Текст] / В.М. Паперный // Л.Н. Толстой: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К.Г. Исупова. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 794 – 818.
- 5 Толстой, Л.Н. Собрание сочинений [Текст]: в 22 т. / Л.Н. Толстой ; гл. ред. М.Б. Храпченко. – Т.3. – М. : Худож. лит., 1979. – 478 с.
- 6 Лескис, Г.Л. Лев Толстой (1852-1869). Вторая книга цикла «Пушкинский путь в русской литературе» [Текст] / Г.Л. Лескис – М.: ОГИ, 2000. – 640 с.
- 7 Скафтымов, А.П. Нравственные искания русских писателей [Текст] / А.П. Скафтымов. – М.: Худож. лит., 1972. – 458 с.
- 8 Сливицкая, О.В. «Война и мир» Л.Н. Толстого: Проблемы человеческого общения [Текст] / О.В. Сливицкая. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 192 с.
- 9 Толстой, Л.Н. Собрание сочинений [Текст] : в 22 т. / Л.Н. Толстой ; гл. ред. М.Б. Храпченко. – Т.21. – М. : Худож. лит., 1985. - 575 с.

REFERENCES

- 1 Bursov, B.I. Lev Tolstoj. Idejnye iskanija i tvorcheskij metod. 1847-1862 [Lev Tolstoj. Ideological quest and creative method. 1847-1862]. M.: Hudozh. lit, (1960): 406 s. – (In Rus)
- 2 Kshonzer, M. Nравstvenno-jeticheskaja problematika povesti L.N. Tolstogo «Kazaki» v kontekste tradicij russkoj literatury i v sovremennom prochtenii [The proper ethical issues of Leo Tolstoy's novels "The Cossacks" in the context of the tradition of Russian literature and in modern reading]. L.N. Tolstoj v 1850-e gody: rozhdenie hudozhnika: materialy Mezhd. nauchn. konf. Tula, (2002): S 54-61. – (In Rus)
- 3 Bursov, B.I. Lev Tolstoj. Idejnye iskanija i tvorcheskij metod. 1847-1862 [Lev Tolstoj. Ideological quest and creative method. 1847-1862]. M.: Hudozh. lit, (1960): 406 s. – (In Rus)
- 4 Papernyj, V.M. K voprosu o sisteme filosofii L.N. Tolstogo [On the question of L.N. Tolstoy's philosophical system]. L.N. Tolstoj: pro et contra / sost., vstup. st., komment. i bibliogr. K.G. Isupova. – SPb.: RHGI, (2000): S. 794 – 818. – (In Rus)
- 5 Tolstoj, L.N. Sobranie sochinenij [Collected works]. v 22 t., L.N. Tolstoj ; gl. red. M.B. Hrapchenko. M. : Hudozh. lit., (1979):. T.3., 478 s. – (In Rus)
- 6 Lesskis, G.L. Lev Tolstoj (1852-1869). Vtoraja kniga cikla «Pushkinskij put' v russkoj literature» [Lev Tolstoj (1852-1869). The second book of the cycle "Pushkin's way in Russian literature"].M.: OGI, (2000): 640 s. – (In Rus)
- 7 Skaftymov, A.P. Nравstvennyye iskanija russkih pisatelej [Interesting works of Russian writers]. M.: Hudozh. lit., (1972): 458 s. – (In Rus)

8 Slivickaja, O.V. «Vojna i mir» L.N. Tolstogo: Problemy chelovecheskogo obshhenija ["War and Peace" by L.N. Tolstoy: Problems of human society]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, (1988): 192 s. – (In Rus)

9 Tolstoj, L.N. Sobranie sochinenij [Collected works]: v 22 t. L.N. Tolstoj ; gl. red. M.B. Hrapchenko. M. : Hudozh. lit., (1985): T.21., 575 s. – (In Rus)

Абдуллина Лилия Бакировна¹

Педагогика ғылымдарының кандидаты, доцент, «Уфа ғылым және технологиялар университеті» ФГБОУ Стерлитамак филиалы, Ресей Федерациясы, 453100, Башқұртстан Республикасы, Стерлитамак қ., Комсомольская көшесі 67, l.b.abdullina@struust.ru, ORCID ID: 0000-0002-7131-7019

Гайфуллина Миляуша Фаниловна^{*2}

Филология ғылымдарының кандидаты, доцент, «Уфа ғылым және технологиялар университеті» ФГБОУ Стерлитамак филиалы, Ресей Федерациясы, 453100, Башқұртстан Республикасы, Стерлитамак қ., Комсомольская көшесі 67, m.f.gayfullina@struust.ru, ORCID ID: 0009-0000-0437-4104

Саттарова Лиана Сибгаатовна³

Аға оқытушы, «Уфа ғылым және технологиялар университеті» ФГБОУ Стерлитамак филиалы, Ресей Федерациясы, 453100, Башқұртстан Республикасы, Стерлитамак қ., Комсомольская көшесі, 67, l.s.sattarova@struust.ru, ORCID ID: 0000-0002-2213-8276

Л.Н. ТОЛСТОЙДЫҢ «КАЗАКТАР» ӘНГІМЕСІНДЕГІ ОЛЕНИННІҢ РУХАНИ-АДАМГЕРШІЛІК ІЗДЕНІСТЕРІ

Аңдатпа. Бұл мақалада «Казактар» хикаясының басты кейіпкерінің өзін-өзі іздеу жолы концептуалды түрде «Мен» – «Мен-басқалар» – «біз» парадигмасы ретінде қарастырылады. Бұл кейіпкердің дүниетанымындағы үш деңгей-күйі. Зерттеудің мақсаты Олениннің жан дүниесіндегі рухани өзгерістерді, даму үдерістерін зерделеу. Олениннің рухани дамуындағы қарама-қайшылықтар, ішкі жан-дүниесінің тартысы, рефлексияға бейім жас жігіттің «жан тарихын» құрайды. Оның рухани ізденістерінің жолы – кейіпкер санасындағы өзгерістер және оның мәнін білуге деген ұмтылысының бір түрі. Зерттеу барысында салыстырмалы-тарихи, әдеби талқылау және психологиялық әдістер қолданылды. Зерттеу нәтижесі «басқалармен» диалог арқылы өзіңіздің «Меніңізді» түсіну процесі және оның бәріне қатысы бар екенін білу және «Мен» – «біз» бөлігі ретінде ұсыну.

Адам -бұл «әлемде болу» ғана емес, ол негізінен «басқалармен бірге болу». Қарым-қатынас, қауымдастық - адамның маңызды атрибуттары. Ол өзінің табиғаты бойынша «басқалар үшін жаратылыс». Шынайы болмыс қауымдастығы кедергілердің болуына қарамастан, өзінен асып кетуді және «басқаның» жеке басын түсінуді (түсінуді), сондай-ақ «Мен», «басқалар» және «Біз» парадигмаларына кіретін жауапкершілік пен адалдық сезімдерін қамтиды. Бұл Толстойдың ақиқаты.

Мақала материалдарын университеттегі тарихи-әдеби және теориялық-әдеби курстарды, сондай-ақ әртүрлі деңгейдегі білім беру мекемелеріндегі орыс әдебиетін оқыту тәжірибесінде қолдануға болады.

Кілт сөздер. Олениннің рухани-адамгершілік ізденістері, әдеби сипаты, «Казактар» повесі, Л.Н. Толстойдың поэтикасы.

Abdullina Lilia Bakirovna¹

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Sterlitamak Branch of Ufa University of Science and Technology, 67 Komsomolskaya Street, Sterlitamak, 453100, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, l.b.abdullina@struust.ru,
ORCID ID: 0000-0002-7131-7019

Gayfullina Milyausha Fanilovna^{*2}

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Sterlitamak Branch of Ufa University of Science and Technology, 67 Komsomolskaya Street, Sterlitamak, 453100, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, m.f.gayfullina@struust.ru,
ORCID Identification Number: 0009-0000-0437-4104

Sattarova Liana Sibagatovna³

Senior Lecturer, Sterlitamak Branch of Ufa University of Science and Technology, 67 Komsomolskaya Street, Sterlitamak, 453100, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, l.s.sattarova@struust.ru, ORCID ID: 0000-0002-2213-8276

**OLENIN'S SPIRITUAL AND MORAL QUEST IN THE STORY «COSSACKS» BY
L.N. TOLSTOY**

Abstract. In this article, the search path of the protagonist of the story "Cossacks" Olenin is conceptually considered as a kind of paradigm "I" – "I-Others" – "We", which represents three levels-states in the hero's worldview. The stages in Olenin's spiritual development, paradigmatically interconnected, make up the "history of the soul" of a contradictory and reflective young man. The path of Olenin's spiritual quest is a kind of striving of the hero's consciousness to know himself, his essence. This is the process of comprehending one's "I" through dialogue with "Others", and realizing one's involvement in Everything and presenting one's "I" as a part of Everything – "We".

Man is not only "being in the world," but he is also, mainly, "being with others." Sociability and community are essential attributes of a person. By its very nature, it is "being for others." A genuine community of being presupposes, despite the presence of obstacles, going beyond oneself and understanding (comprehending) the personality of the "Other", as well as a sense of responsibility and devotion, which include both "I" and "Others" and "We". This is the Tolstoyan truth.

The materials of the article can be used in the practice of teaching historical and literary and theoretical literature courses at the university, as well as Russian literature in educational institutions of various levels.

Key words. Olenin's spiritual and moral quest, literary character, the story «Cossacks», the poetics of L.N. Tolstoy.